

[Рец. на: / Review of:] **R. Meyer. *Iranian syntax in Classical Armenian: The Armenian perfect and other cases of pattern replication***. Oxford: Oxford University Press, 2023. xx + 310 pp. (Oxford studies in diachronic and historical linguistics, 53.) ISBN 9780198851097.

Данил Андреевич Алексеев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; dnl.alksv@gmail.com

Danil A. Alekseev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; dnl.alksv@gmail.com

Благодарности: Работа поддержана грантом РФФИ № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV». Автор глубоко признателен редакции журнала за неоценимую помощь в подготовке этой рецензии.

Acknowledgements: This work was supported by an RSF grant No. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”. I am indebted to the editors of the journal for their help in the preparation of this review.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.160-166

Развитие синтаксического уровня языка вне рамок теории грамматикализации сравнительно редко становится предметом изучения в диахронических работах, тем более предполагающих контактное происхождение исследуемых явлений. На этом фоне выделяется рецензируемая монография Робина Мейера, доцента (assistant professor) Университета Лозанны, являющаяся кульминацией десяти лет его исследований, начиная со статьи [Meyer 2013].

Работа посвящена некоторым проблемным сюжетам исторического синтаксиса классического армянского, главным образом — маркированию ядерных актантов (alignment) в клаузах, вершиной которых выступает глагол в форме перифрастического перфекта. В отличие от синтетических времен, например аориста, в котором наблюдается стандартная для древнеармянского¹ номинативно-аккузативная стратегия маркирования глагольных актантов (1), в перифрастическом перфекте, состоящем из причастия на *-eal* и глагольной связки (которая, однако, может и опускаться), применяется иная стратегия, предполагающая генитивное кодирование агенса в переходных конструкциях (2):

- (1) *Du es ayn, or kotor-ec'-er z=Ari-s*
ты быть.PRS.3SG тот который разрушать-AOR-AOR.3SG ОВJ=ариец-ACC.PL
aysč'ap' am-s...
так.много год-ACC.PL

‘[А, лиса, это ты тот, смутьян, который столько лет нас мучил,] это ты столько лет убивал арийцев?’² [ИА IV.54]³ (с. 80 рецензируемой монографии)

¹ В этой рецензии термины «древнеармянский» и «классический армянский» употребляются в качестве синонимов.

² Глоссирование во многих случаях изменено. О том, почему не используется глоссирование автора монографии, говорится в конце настоящей рецензии.

³ «История Армении Фавтоса Бузанда»; цитируемые издания см. в Списке источников.

- (2) ?oŋ' z=gir=n z=ayn ic'ē ant'erc'-eal jer
 NEG OBJ=Писание.ACC.SG=DEF OBJ=ТОТ быть.3SG.SBJV читать-PTCP 2PL.GEN

‘Неужели вы не читали сего в Писании: [камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла;]’ [Мк. 12:10]⁴ (с. 83)

Монографию открывают две вводные главы. **Глава 1** вводит читателя в проблемы изучения классического варианта армянского языка и контактов его носителей с ираноязычными сообществами, а также описывает структуру работы. В **главе 2** представляется сумма известных обобщений (в частности, социоисторических) о характере армянско-иранских языковых и культурных контактов и приводятся примеры иранского влияния на фонологическую систему и лексический фонд древнеармянского (раздел 2.3), его морфологию и фразеологию (раздел 2.4)⁵.

Стоит отметить, что из иранских идиомов рассматриваемого периода наибольшее значение, как показано в разделе 2.3, в силу своего преимущественного влияния на классический армянский, для монографии представляет **парфянский язык**, являвшийся государственным в Парфянском царстве (III в. до н. э. — III в. н. э.), которым правила династия Аршакидов [Молчанова 1999: 14]. Одна из аршакидских ветвей пришла к власти и в Великой Армении.

Таким образом, вторая глава подготавливает почву для обсуждения двух главных лакун предметной области монографии: влияния иранских языков на синтаксис классического армянского (раздел 2.6) и конкретной динамики иранско-армянских контактов (раздел 2.7). К «заполнению лакун» автор монографии подходит, ставя следующие вопросы:

- (3) а. «Есть ли в [древне]армянском синтаксические шаблоны, которые возникли на основе схожих моделей в контактном языке одного из ираноязычных народов или, по крайней мере, испытали значительное влияние этих моделей?»⁶
 б. «Что существование таких шаблонов означает для иранско-армянских языковых контактов? Иными словами, могут ли лингвистические данные предложить новый взгляд на характер взаимодействия между этими языками и его силу?»⁷

Таким образом, повествование приобретает спиралевидный характер.

Глава 3 излагает известные данные первичных исторических источников о взаимодействии армянского и иранских языковых сообществ, а также об армянских и иранских государствах в целом. Список рассматриваемых источников действительно широк: древнеперсидские и среднеиранские надписи (раздел 3.1), армянские литературные источники (раздел 3.2), работы античных авторов и новозаветная традиция (раздел 3.3), свидетельства историков китайской династии Хан (раздел 3.4).

С **главы 4** начинается (с точки зрения наличия оригинального вклада) лингвистически содержательная часть монографии, в которой Р. Мейер подходит к рассмотрению вопроса о структуре и происхождении древнеармянского перифрастического перфекта. В подготовительном разделе 4.1 с опорой на [Bickel, Nichols 2008] определяется суть и различные стратегии маркирования глагольных актантов, далее в разделе 4.2 выделяются внешнесинтаксические (залоговые и валентностные) типы контекстов, в которых засвидетельствовано

⁴ Мф. — Евангелие от Матфея; Мк. — Евангелие от Марка; Лк. — Евангелие от Луки; Ин. — Евангелие от Иоанна. Здесь и далее новозаветные отрывки цитируются в Синодальном переводе.

⁵ Совместное рассмотрение данных языковых подсистем объясняется большей изученностью фонологии и лексики, в отличие от морфологии и фразеологии, на что также указывает автор.

⁶ “Have any Armenian syntactic patterns been modelled on (or significantly influenced by) similar patterns in an Iranian contact language?” (с. 31), перевод мой — Д. А.

⁷ “What does the existence of such patterns mean for Iranian–Armenian language contact? That is, can the linguistic data provide any insights into the kind and degree of interaction between these languages?” (с. 32), перевод мой — Д. А.

использование перифрастического перфекта (символом «*» обозначена более маргинальная для конкретного контекста стратегия кодирования актантов):

(4) **Непереходные + S_{NOM} (α)**

or   *ust-ek'*   *ust-ek'*   *ek-eal*   *has-eal*
 который   откуда-ADV   откуда-ADV   приходить-PTCP   прибывать-PTCP
ēin   *i*   *t'ikun-s*
 быть.PRS.3SG   в   помощь.PL-ACC.PL

‘[Но Хосров поднялся со своим огромным войском и теми,] кто прибыл с разных мест, дабы стать в войне его соратником’. [Аг I.8]⁸ (с. 81)

(5) **Непереходные + S_{GEN} (α*)**

yaɣn-žam   *matuc'-eal*   *ašakert-ac'n*   *nora*,   *ase-n*   *c'=na*
 это-время   прибывать-PTCP   ученик-GEN.PL   3SG.GEN   говорить-PRS.3PL   IO=3SG

‘Тогда ученики Его, приступив, сказали Ему: [знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились?]' [Мф. 15:22] (с. 82)

(6) **Непереходные пассивные + S_{NOM} + (A_{i+ABL}) (β)**

erkir   *ew*   *mardkan*,   *or*   *i*   *nmanē*
 Земля.NOM.SG   и   человечество.NOM.SG   который   PREP   3SG.ABL
en   *stelc-eal*
 быть.3PL.PRS   создать-PTCP

‘[Ибо лишь Он творец неба и ангелов, прославляющих Его величие, и] земли и людей, созданных им...’ [Аг V.9] (с. 82)

(7) **Переходные + A_{GEN} + O_{NOM/ACC} (γ)**

z=or   *aṛ-eal*   *t'agawor-i=n*,   *z=amenesean*
 OBJ=который   принять-PTCP   царь-GEN=DEF,   OBJ=всё.ACC.PL
astuac-a-kard   *lcoyn*   *hnazand-ec'uc'-anē*
 Бог-ЕР-предписанный   иго.DAT.DEF   подчиненный-CAUS-AOR.3SG

‘И царь подчинил всех установленному Богом игу, [тем более, что причиной был не он, а воля всемогущего Христа...]' [Аг 0.35] (с. 83)

(8) **Переходные + A_{NOM} + O_{ACC} (γ*)⁹**

pok'a   *aṛ-eal*   *tane-i-n*   *z=na*
 3PL.NOM   схватить-PTCP   уводить-PST-3PL   OBJ=3SG.ACC

‘Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели’. [Ин. 19:16/17] (с. 83)¹⁰

В качестве отдельного типа δ выделяются также безличные предикации, однако, по предположению Р. Мейера, при дальнейшем анализе они могут быть отнесены к одному из ядерных типов.

После рассмотрения возможных подходов к объяснению маркирования актантов в классическом армянском, которые предлагались предыдущими исследователями (раздел 4.2.2), Мейер выдвигает собственную гипотезу (раздел 4.2.3): в перифрастическом перфекте наблюдается трехчастная стратегия кодирования глагольных актантов — агенс переходных конструкций (γ; пример 7) маркируется генитивом, пациенс получает двойное

⁸ «История Армении», приписываемая Агатангелосу.

⁹ В этом случае, однако, зачастую нельзя определить, от какого из предикатов объект получает аккузатив — от матричного глагола или от причастия, выполняющего конвербную функцию (с. 83, сн. 38; 153–155).

¹⁰ В переводе этой главы Евангелия от Иоанна на классический армянский отрывок, соответствующий последнему предложению стиха 16 в Синодальном переводе, включен в состав стиха 17.

маркирование морфологическим аккузативом и проклитикой $z=$, а подлежащие непереходных предикаций получают номинатив (α ; пример 4).

Такая ситуация сложилась, по предположению автора, при копировании иранской эргативной модели и конкуренции новой стратегии с номинативно-аккузативной. С морфосинтаксической точки зрения среднеиранский перифрастический перфект также состоит из причастия (на $-d/t$) и бытийной связки. Ср. парфянские примеры:

(9) **Непереходные + S_{DIR} (α)**

'wd 'z 'g-d hym kw 'c bz-kr bwj- 'n
и 1SG.DIR идти-PTCP.PST быть.PRS.1SG чтобы от зло-делать спасти-1SG.SBJV

‘И я пришел, чтобы спасти (тебя) от Грешника, [исцелить (тебя) от боли и принести радость в твоё сердце]’¹¹. [Boyce 1954: 150–151] (с. 117)

(10) **Переходные + A_{ENCL} + O_{DIR} (γ)**

bys 'w's cy=m dyd 'yy 'w=m
но теперь когда=1SG.ENCL увидеть.PTCP.PST быть.PRS.2SG и=1SG.ENCL

tw sxwn 'šnw-d
2SG речь услышать-PTCP.PST

‘Но теперь, когда я увидел тебя и слышал твою речь, [я знаю, что твоя мудрость превосходит мою]’¹². [Sundermann 1981: 89] (с. 118)

Высказанная выше гипотеза подтверждается данными корпусного исследования, результаты которого излагаются в отдельной **главе 5**. Анализ затрагивает пять произведений древнеармянской литературы (перечислены в предполагаемом хронологическом порядке создания): «Житие Маштоца» Корюна (440-е гг. н. э.); «История Армении», приписываемая Агатангелосу (460-е гг. н. э.); упомянутая выше «История Армении Фавтоса Бузанда» (470-е гг. н. э.); «История Армении» Лазаря Парпеци (конец V в. н. э.); «О Вардане и войне армянской» историка и богослова Егише (конец V — начало VI вв. н. э.).

Несмотря на указываемые автором (с. 128–129) неизбежные недостатки подобного корпуса (сравнительно малый объем — около 200 тыс. словоупотреблений, жанровость — в корпусе представлены практически исключительно историографические работы ранних армянских авторов), предположения Мейера об историческом функционировании перифрастического перфекта, высказанные в главе 4, подтверждаются. Маргинальные стратегии маркирования актантов — генитивный субъект в непереходных предикациях (α^* ; пример 5) и номинативный агенс в переходных (γ^* ; пример 7) — показывают четкую диахроническую динамику — падение и рост частотности употребления соответственно, что свидетельствует о происходящей в рассматриваемый исторический период «деэргативизации» перифрастического перфекта (раздел 5.3.2).

Отметим, что в главе 5 также проводится анализ причастий на $-eal$ в атрибутивной (раздел 5.3.1) и конвербной (раздел 5.3.3) позиции. Кроме того, крайне любопытен экскурс в вопросы порядка следования составляющих, представленный в разделе 5.3.4.2.

Так, порядок слов в древнеармянском в целом имеет намного более свободный характер по сравнению с довольно фиксированным порядком AOV в среднеиранских языках, однако данные корпуса показывают, что О-участник переходных предикаций с опущенным субъектом и глаголом в форме перифрастического перфекта оказывается на первом месте в предложении примерно так же часто, как и единственный актант непереходного глагола (208 из 334 употреблений (62 %) для OV/VO, 596 из 804 употреблений (74 %) для

¹¹ Манихейский цикл гимнов «Ангад Рошнан» (Angad Rōšnān), 64a; “And I am come forth to save (thee) from the Sinner, to make (thee) whole from pain, and to bring gladness to thy heart”, цитируется по [Boyce 1954], перевод мой — Д. А.

¹² “Aber nun, da ich dich gesehen hat und deine Rede gehört habe, da weiß ich, dass deine Weisheit der meinen überlegen ist”, цитируется по [Sundermann 1983], перевод мой — Д. А.

SV/VS), что не подтверждается для А-участников при опущении объекта (24 из 51 употреблений, или 47%). Если же в клаузе выражены и А-, и О-участник, наиболее частотными порядками составляющих оказываются AOV, AVO и OVA.

В главе 6 Р. Мейер обращается к другим аспектам синтаксиса классического армянского для получения дополнительных подтверждений гипотезы о значительном контактном влиянии иранских языков на древнеармянский. В разделе 6.2 рассматриваются сходные употребления древнеармянского местоимения *ink'n* и среднеиранского *xwd* (< *xud) в качестве рефлексива, интенсификатора и анафора, причем способного как к резюмptивным употреблениям, так и к использованию для разрешения референциального конфликта (ср. русск. *том*). Последнее использование опционально и в классическом армянском, и в среднеиранских языках.

Подобное совмещение функций одним элементом не зафиксировано в других индоевропейских языках. Раздел 6.3 посвящен древнеармянскому комплементаризатору (*e)t'e* и его среднеиранскому аналогу *kw* (< *ku). Нетривиальное сочетание контекстов, в которых употребляются эти союзы: прямая и косвенная речь, введение sententialных актантов при глаголах восприятия, оформление причинных и пояснительных (clarificatory, ср. англ. *namely*) клауз, — также приводит Р. Мейера к мысли о контактном влиянии на функционирование (*e)t'e*.

Остановимся подробнее на разделе 6.1. В нем рассматриваются употребления древнеармянского относительного местоимения *or*, внешне структурно сходные с изафетной конструкцией в иранских языках:

- (11) *anun Astuac-oy or tear-n=n ararac-oc'*
 имя Бог-GEN.SG который хозяин-GEN=DEF создание-GEN.PL
 '[И] имя бога — владыки созданий [потонуло среди многочисленных имен богов, и не видно было его]'. [ЕК IV.1.21]¹³ (с. 173)
- (12) ПАРФЯНСКИЙ
m'd cy dyw-n
 мать EZ демон-PL
 'мать демонов' [Sundermann 1973: 63] (с. 176)

Тем не менее для полноты картины не хватает древнеармянских примеров, в которых бы содержались несколько модификаторов, присоединяемых сериально при помощи *or*. Как показано в [Haider, Zwanziger 1984: 158–159], в среднеиранских языках фиксируется несколько стратегий присоединения множественных модификаторов (изафетная частица появляется перед каждым модификатором; цепочка модификаторов присоединяется без какого-либо показателя, однако последний из них оформляется сочинительным союзом; изафетный показатель находится перед началом цепочки, а внутри используется сочинительный союз; изафет и сочинение используются одновременно). Такая вариативность, по мнению Г. Хайдера и Р. Цванцигера, лучше всего показывает нестабильность синхронного функционирования изафетного показателя в среднеиранских языках на его пути к грамматикализации, сопровождающаяся потерей его компонентами клаузуальных свойств. В монографии, тем не менее, такие примеры для классического армянского, как и возможность их существования, не упоминаются.

Не приводится и никаких количественных данных о частотности «изафетной» конструкции в классическом армянском. Кроме того, категориальная принадлежность адъюнктированного материала достаточно ограничена — это либо предложные группы (наиболее частый тип), либо именные (но, судя по всему, не прилагательные). Приводимый в монографии (с. 174) пример с причастием, по указанию автора, допускает и клаузуальную трактовку с использованием причастия без глагольной связки в качестве ядра предикации.

¹³ «Книга опровержений» Езника Кохбацци.

Клаузальный анализ, как отмечает сам Р. Мейер, возможен и для примеров вроде (11). К нему подталкивает и наличие сходных придаточных в древнегреческом, классической латыни, хеттском и других индоевропейских языках рассматриваемого периода.

В связи с этим, а также ввиду недостатка языковых данных, автор монографии предлагает компромиссное решение: неглагольные придаточные (т. е. содержащие имя, но не глагол-связку) были унаследованы в древнеармянский из праиндоевропейского, однако тесное контактное взаимодействие со среднеиранскими языками сохранило эту конструкцию в употреблении (в отличие от других индоевропейских языков этого периода, где она перестала использоваться).

Последняя глава 7 возвращается к вопросу (3b) и дает на него следующий ответ: представители династии Аршакидов, правившие в Великой Армении и являвшиеся носителями парфянского языка, перешли на древнеармянский. Иными словами, произошло **изменение суперстрата**.

Новая идентичность была «привязана» к классическому армянскому и принята аршакидскими правителями Армении после падения Парфянского царства и прихода в нем к власти Сасанидов в 224 г. н. э. Отношения с Сасанидами были враждебными, что привело к вытеснению парфянского, становлению армянского в качестве языка при аршакидском дворе и последующему переходу других носителей парфянского на древнеармянский. Таким образом, армянско-иранская контактная ситуация аналогична, например, сложившейся в Англии в XI в. н. э. при Нормандском завоевании, когда правящий нормандский класс постепенно перешел на среднеанглийский (см. раздел 7.3.1).

Конечно, подобное объяснение в отсутствие прямых исторических свидетельств для упомянутого языкового перехода сталкивается с проблемой недоказуемости и неverifiedности, что отмечает и сам Р. Мейер (с. 241), однако позволяет дать более стройное (в сравнении с предыдущими выдвинутыми гипотезами) объяснение возникновению и функционированию армянского перифрастического перфекта.

В заключение подчеркнем, что рецензируемая монография удачно сочетает в себе умелую работу с языковыми и социоисторическими данными, успешно следует целям, поставленным автором, и показывает, что факты языка могут сказать об истории, а факты истории — о языке. Тем не менее отметим, как нам кажется, неудачное решение относительно оформления примеров.

Автор очень вольно относится к межстрочному глоссированию, почти нигде не выделяя морфемы и указывая все граммы «через точку» вместе с переводом слова. Безусловно, не всегда и не в каждой лингвистической работе глоссирование должно быть максимально строгим, но в данном случае при погружении в материал (как минимум) двух потенциально незнакомых читателю языков остается легкое ощущение не только неудовлетворения от не столь полного понимания структуры форм, но и общего неудобства при чтении.

Так, например, в длинных примерах с древнеармянским перифрастическим перфектом, включающим причастие на *-eal*, выделение суффикса причастия могло бы помочь в визуальной идентификации данной глагольной формы. Кроме того, зачастую опускается даже минимальный левый и правый контексты перевода. Неудобство при чтении представляют и многочисленные цитирования неанглоязычных авторов, перевод к которым дается в сносках, но не в основном тексте (а иногда и отсутствует, например, на с. 173).

Это, однако, не портит общего впечатления о монографии, и тем более о ее содержательной части. Надеемся, что ее появление способствует возникновению новых работ в области исторического синтаксиса древнеармянского и среднеиранских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

AVL — отложительный падеж

ACC — винительный падеж

ADV — наречие

AOR — аорист

CAUS — каузатив

DAT — дательный падеж

DEF — определенность

DIR — директив (прямой падеж)

EP — эпентетический сегмент
EZ — изафетная частица
ENCL — энклитика
GEN — родительный падеж
IO — непрямой объект

NEG — отрицание
NOM — именительный падеж
OBJ — прямой объект
PL — множественное число
PRER — предлог

PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
PTCP — причастие
SVJV — условное наклонение
SG — единственное число

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аг — Агатангелос. *История Армении*. Тер-Давтян К. С., Аревшатын С. С. (пер. с древнеарм.). Ереван: Наири, 2004.
- ЕК — Езник Кохбаци. *Книга опровержений (О добре и зле)*. Чалоян В. К. (пер. с древнеарм.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968.
- ИА — *История Армении Фавстоса Бузанда*. Геворгян М. А. (пер. с древнеарм.), Еремян С. Т. (ред.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1953.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Молчанова 1999 — Молчанова Е. К. Парфянский язык. *Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки*. Расторгуева В. С. (ред.). М.: Индрик, 1999, 14–27. [Molchanova E. K. The Parthian language. *Yazyki mira. Vol. 2. Severo-zapadnye iranskie yazyki*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Indrik, 1999, 14–27.]
- Bickel, Nichols 2008 — Bickel B., Nichols J. Case marking and alignment. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008, 304–321.
- Boyce 1954 — Boyce M. *The Manichaean hymn-cycle in Parthian*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1954.
- Haider, Zwanziger 1984 — Haider H., Zwanziger R. Relatively attributive: The ‘ezāfe’-construction from Old Iranian to Modern Persian. *Historical syntax*. Fisiak J. (ed.). Berlin: Walter de Gruyter, 1984, 137–172.
- Meyer 2013 — Meyer R. Armeno-Iranian structural interaction: The case of Parthian *wxd*, Armenian *inkʿn*. *Iran and the Caucasus*, 2013, 17(4): 401–425.
- Sundermann 1973 — Sundermann W. *Mittelpersische und parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer*. Berlin: Akademie-Verlag, 1973.
- Sundermann 1981 — Sundermann W. *Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts*. Berlin: Akademie-Verlag, 1981.

Получено / received 03.08.2024

Принято / accepted 24.09.2024

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 99.99.2024. Дата выхода в свет 99.99.2024. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л.: 99,9. Уч.-изд. л. 99,9. Тираж 999 экз. Заказ 999. Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-03 -24 ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1